

УДК 32.019.52+911.375

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-113-137

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА РФ

Аксёнов К. Э.¹, Гресь Р. А.^{2,3}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Российская Федерация

² Институт проблем региональной экономики Российской академии наук
190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38, Российская Федерация

³ Балтийский федеральный университет имени И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление и концептуализация символического геополитического капитала территории, представленного в монументальном городском пространстве.

Процедура и методы. Рассмотрены 515 монументов, связанных с геополитической тематикой в 9 модельных городах СЗФО РФ. С помощью анализа иерархий встречаемости геополитических посвящений в монументах – «геополитических следов», оставленных монументами в модельных городах, – предпринята попытка сравнения значимости для городской символической политики факторов столичности, особого геополитического положения, опыта иностранного контроля или смены суверенитета.

Результаты. Обнаружено, что специфика тематик и параметры представленности геополитических символов коррелируют с мерой вовлечённости города/региона в те или иные геополитические события. Географические различия в геополитическом символическом капитале, представленном ресурсами монументального пространства разных городов Северо-Запада РФ, весьма существенно дифференцируются описанными в статье факторами. Фактор смены суверенитета над территорией оказался существенно значимее фактора столичности. Символы распространения коммунистического/советского влияния характерны более для региональных столиц. Тематика российских исследований/открытий/освоения с региональной коннотацией (кроме Калининграда) максимально значима в монументах всех приморских городов в выборке.

Теоретическая и/или практическая значимость. В условиях повышенного внимания к геополитической проблематике памятники, имеющие такую коннотацию, представляют собой ресурс для её интерпретации и использования в целях достижения политического доминирования в символической политике, о чём свидетельствует развернувшаяся в мире масштабная «война памятников». При этом значимость именно урбанистических символов, закреплённых и тем самым «легитимизированных» в городском материальном пространстве, существенно повышает эффективность основанного на них символического менеджмента.

Ключевые слова: геополитический символический капитал, символические ресурсы территории, символическая политика, городское монументальное пространство, геополитическое событие, война, геополитический след, критическая геополитика, города Северо-Запада РФ

© СС ВУ Аксёнов К. Э., Гресь Р. А., 2023.

GEOPOLITICAL SYMBOLIC CAPITAL AND MONUMENTAL SPACE OF CITIES IN THE NORTH-WEST OF THE RUSSIAN FEDERATION

K. Aksenov¹, R. Gres^{2,3}

¹ *St. Petersburg State University
Universitetskaya nab.7-9, St. Petersburg 199034, Russian Federation*

² *Institute for Regional Economic Studies of RAS
ul. Serpukhovskaya, 38, St. Petersburg 190013, Russian Federation*

³ *Immanuel Kant Baltic Federal University
ul. Nevskogo 14 A, Kaliningrad 236016, Russian Federation*

Abstract

Aim. We identify and conceptualize the symbolic geopolitical capital of the territory, represented by monumental urban space.

Methodology. We examined 515 monuments related to geopolitical topics in 9 model cities of the Northwestern Federal District of the Russian Federation. By studying the hierarchies of occurrence of geopolitical dedications in monuments—“geopolitical traces” left by monuments in model cities, an attempt was made to compare the significance for urban symbolic politics of such factors as the capital city status legacy, a specific geopolitical position, the experience of foreign control, and a change of sovereignty.

Results. It is found that the specifics of topics and the parameters of representation of geopolitical symbols correlate with the degree of involvement of the city/region in certain geopolitical events. Geopolitical symbolic capital, represented by the resources of the monumental space in different cities of the North-West of the Russian Federation, is very significantly differentiated by the factors described in the paper. The factor of change of sovereignty over the territory turned out to be by far more significant than the capital city legacy. Symbols of the communist / Soviet expansion are more characteristic of regional capitals. Russian geographical research/discovery/development with a regional connotation (except for Kaliningrad) is the most significant in the monuments of all coastal cities in the sample.

Research implications. In the context of increased attention to geopolitical issues, monuments bearing such a connotation represent a resource for its interpretation and use in order to achieve political dominance in symbolic politics, as evidenced by the large-scale “war of monuments” that has unfolded in the world. At the same time, the significance of urban symbols, fixed and thus “legitimized” in the urban material space, significantly increases the effectiveness of symbolic management based on them.

Keywords: geopolitical symbolic capital, symbolic resources of the territory, symbolic politics, urban monumental space, geopolitical event, war, geopolitical trace, critical geopolitics, cities of the North-West of the Russian Federation

Введение

Поиск новых и переосмысление старых геополитических (ГП) концепций продолжает оставаться важным элементом формирования постсоветской российской идентичности [21; 22; 26].

Этот процесс не остаётся уделом интеллектуальных элит, но регулярно становится частью публичной политики: он затрагивает как стратегии властных субъектов всех уровней, конструирование новых и переосмысление старых

идеологий, так и активизм гражданского общества [2]. Существенная роль в борьбе субъектов политики на постсоветском пространстве за утверждение «своей» концепции и «исправленной» геополитической картины мира, как показывают исследования, отводится инструментам городской символической политики, позволяющей использовать целый арсенал урбанистических знаков или носителей символов, дающий дополнительные возможности упомянутым субъектам [2; 7; 15; 16; 19; 29].

С учётом существующих различий в определении термина «символическая политика», обусловленных междисциплинарностью, использующих его исследований и их целеполаганий [11], для целей настоящей работы и вслед за рядом авторов [1; 9; 17; 18] под городской символической политикой мы будем понимать совокупность направленных на достижение собственных (или общественно значимых) целей действий и взаимодействий управленческой, политической, бизнес-элиты, социальных групп и других влиятельных на данной территории акторов с использованием городских символов. Упомянутые акторы становятся как главными «потребителями», так одновременно и «производителями» урбанистических символов в результате осуществления такой политики.

Однако здесь нас будет интересовать её результирующая, сложившаяся в современном пространстве городов в виде символического капитала¹,

¹ По определению П. Бурдьё, символический капитал – это капитал в любой его форме, представляемой (т. е. воспринимаемой) символически в связи с неким знанием или, точнее, узнаванием или неузнаванием [6].

который представляет собой снятый, закреплённый в обществе опыт формирования определённых представлений о территории, которые могут складываться как стихийно, так и целенаправленно [23]. Как указывает Н. Г. Федотова, накопление символического капитала места – это производство значений территориальных смыслов, когда элементы среды локального места приобретают новое или дополнительное значение, как для местных, так и для внешних аудиторий [23].

В результате символический капитал города представляет собой совокупность значений (смыслов) города (его территорий и отдельных мест), которые обеспечивают ему узнавание, известность, престиж, доверие со стороны различных социальных групп [24, с. 121].

Большинство исследователей городской символической политики и символического капитала города подчёркивают, что от самих символов и смыслов, которые могут с ними связываться индивидами и их группами, следует отделять урбанистические знаки или урбанистические носители символов (памятники, музеи, мемориальные объекты, топонимию, городские праздники и публичные ритуалы) и воспринимать последние, скорее, как ресурс для использования реальными и потенциальными акторами общественно-политических процессов [21; 25; 27]².

В контексте исследования политики памяти О. Ю. Малинова относит такие носители к социально-культурной ин-

² Как справедливо указывает Ю. Горелова, «знак всегда отсылает к чему-то другому, символ – лишь к себе самому, к некой внутренней структуре» [10, с. 20].

фраструктуре памяти, используемой в коммеморации исторического события как важнейшего элемента символической политики [18]. Она подчёркивает, что носители символов с одной стороны служат *символическими ресурсами* для мнемонических акторов, но одновременно могут создавать *ограничения*, особенно если предлагаемая ими интерпретация события существенно отличается от устоявшейся [18]. В исследованиях символического капитала места урбанистические знаки или носители символов рассматриваются в качестве элементов территории (города, места), в которых концентрируется её (их) символический капитал. При этом подчёркивается, что символический капитал места – «это не сам памятник архитектуры, миф или уникальный ландшафт, а именно его известность или значимость для того или иного сообщества» [25].

Поскольку в настоящем исследовании нас интересует связь городского символического капитала с городской средой, то центральным объектом при этом неизбежно становятся средовые символические ресурсы (как добавляющие, так и ограничивающие возможности акторов символической политики), а именно – урбанистические знаки или носители символов.

Целый ряд работ посвящён тому, как символические ресурсы используются в стратегиях политических акторов и ведут к тому, что существующие в обществе идентичности «транслируются» в политическую повестку, тем самым становясь политически значимыми [9; 20].

О. Ю. Малинова предлагает вместо такого «политико-стратегического» взгляда, соответствующего, скорее,

английскому понятию *symbolic policy*, использовать более широкий подход, описываемый английским *symbolic politics* и анализирующий символические действия и взаимодействия (как целенаправленные, так и стихийные [23]) более широкого круга акторов (включая неинституциональные группы и отдельных индивидов, способных производить общественно значимые интерпретации реальности) [18].

В данном исследовании нам ближе именно последний подход. При этом все акторы символической политики формируют и транслируют смыслы, связанные с урбанистическими знаками или носителями символов, в процессе социальной коммуникации часто превращая их в политические и даже экономические дивиденды [5; 6; 25]. Как пишет Д. Н. Замятин, в результате «мир предстаёт воплощением определённых схем интерпретации» [12, с. 3], при этом пространство кодируется человеческим сознанием в виде тех или иных образов [13].

Поэтому, солидаризируясь с подходом О. Ю. Малиновой [18] к определению собственно символической политики, мы склонны добавить: символическая политика – это не только производство способов интерпретации социальной реальности и борьба за их доминирование, но и производство символических ресурсов, т. е. знаков (особенно урбанистических), пригодных для «правильной» интерпретации. При этом манифестация и «присвоение» актором определённых интерпретаций через производство им материального носителя символа становится важным вкладом в достижение доминирования.

Многими авторами отмечается особая значимость использования для реализации символических стратегий именно городских символических объектов (в отличие, скажем, от СМИ) в связи с *длительностью их существования, закреплённостью в окружающем человека урбанистическом ландшафте* (особенно в форме мемориалов и ономастических объектов) [9, с. 94].

П. Бурдые описывает установку монументов, наименование улиц и проведение памятных мероприятий как власть номинации – они как никакой другой ресурс способствуют официальному закреплению ценности и формирует её легитимность и публичное признание [3; 25]. Урбанистическое пространство монументов и имён, окружающих индивида с самого детства в городском ландшафте, с наибольшей вероятностью кодируется сознанием в виде априори позитивного восприятия таких образов [13]. А. А. Высоковский указывал: «история своей жизни, особенно воспоминания детства... всё это собирается в единый средовой образ, скреплённый внутри ценностными установками. Именно такой целостный образ служит основой для живой рефлексии, а также оценки каждого акта средообразования» [8, с. 30]. В. Л. Бабурин отмечает, что «...города и городские системы совмещают в себе функции аттракторов и генераторов инноваций, а городские подсистемы, каждый отдельный город – это своеобразная летопись инновационных процессов в нашей стране за минувшее тысячелетие» [4, с. 114].

По всем вышеизложенным причинам мы остановили свой выбор именно на анализе городских монументальных знаков – носителей символов – в

качестве объекта исследования. Таким образом, в данной работе цель – это анализ не самой символической политики (её акторов, целей, механизмов и общественных последствий), а её урбанистической результирующей, существующей в сложившемся современном пространстве городов в виде символического капитала, а точнее, той его части, которая состоит из материальных знаков или носителей символов, к которым в качестве одних из самых главных относятся монументы [25]. В качестве ресурсов они используются в стратегиях политических акторов, и ведут к тому, что связанные с ними идентичности «транслируются» в политическую повестку, тем самым становясь политически значимыми [9]. Монументы, как и прочие символические ресурсы, таким образом, становятся таковыми только тогда, когда акторы символической политики наполняют их смыслами, а начинают они приносить «прибыль» только в процессе их демонстрации и коммуникации [5; 25].

Обобщённо описанные выше представления можно изобразить в виде схемы (*табл. 1*).

В определении самой геополитики нам близок подход школы критической геополитики, подчеркивающий значимость ментального [33]. Изначально акцент на символизм привёл к возникновению иконографии Ж. Готтмана [30]. А И. Лакоста данные идеи даже привели к попыткам обоснования отсутствия объективной геополитики [31]. Благодаря развитию таких подходов сегодня общепризнано, что популярность тех или иных геополитических идей, концепций, теорий и конструктов среди населения сильно

Таблица 1 / Table 1

Соотношение символического капитала территории и городского монументального пространства / Interrelation of symbolic capital of a territory and urban monumental space

Монументы и символический капитал территории	Символическая политика	Урбанистический результат
Монумент	Установка, номинация, снос, перенос, реконструкция, реноминация	Материальный знак, носитель символа
Монументальное пространство	Формирование и реконфигурация монументальной пространственной системы	Городская пространственная совокупность знаков, пригодных для интерпретации
Символический ресурс территории	Производство смыслов и интерпретаций	Привязанная к городским знакам совокупность смыслов и интерпретаций
Символический капитал территории	Демонстрация и коммуникация (манифестация)	Привязанная к городским знакам известность и значимость смыслов и интерпретаций для того или иного сообщества
Дивиденды от символического капитала территории	Трансляция в социально-политическую повестку, городской социально-политический менеджмент	Привязанная к городским знакам и используемая акторами доминирующая интерпретация в целевом сообществе

Источник: составлено авторами

влияет на способность политических акторов использовать геополитические ресурсы в полном объеме и с максимальной эффективностью. От успеха борьбы за умы зависит успех любого геополитического процесса [32].

Вслед за К. Флинтом мы будем понимать геополитику как состоящую из:

1. практик и проявлений территориальных стратегий в отношении государственности;

2. идеологических конструкций и прочих концепций видения мира;

3. представлений о территории и контроле над ней любым субъектом общественных отношений;

4. практики определения отношений по поводу власти в пространстве с помощью семантики и риторики [28].

Итак, рассмотрим, как память о различных геополитических событиях в российской истории закрепляется и продуцируется в монументальном пространстве городов. Цель настоящей работы состоит в выявлении и концептуализации символического геополитического капитала территории, представленного в монументальном пространстве, на примере городов Северо-Запада РФ, сравнение и определение различий в таком капитале между городами региона.

Отражение в монументальной среде вовлеченности городов в геополитические события

О. Ю. Малинова отмечает, что политика по формированию макрополитической идентичности (в первую очередь, символическая), с одной стороны, призвана обеспечить интеграцию и солидарность граждан поверх социальных, этнических, религиозных, языковых, политико-идеологических и прочих границ, а с другой – связана с теми или иными решениями проблемы различий (т. е. с поиском адекватных способов их «признания», либо с попытками их «сгладить»/оставить «незамеченными») [17, с. 91].

Упомянув О. Ю. Малиновой дихотомия «общее-различное» применительно к семиотической интерпретации монументов для целей символической политики подразделяется в нашей методике на 2 измерения: хронологическое и хорологическое.

Хронологическое будет выражаться в фиксации сравнительной гипертрофии/замалчивании (недо- и перепредставленности) геополитических событий и эпох как таковых. Данный показатель будет строиться на 1) непосредственном количественном сравнении представленности событий/эпох в символическом монументальном пространстве рассматриваемых российских городов и 2) сравнительной оценке исторической значимости геополитических событий и явлений между собой и последующем сопоставлении этой значимости с иерархией их представленности в городских монументальных символах. Оба критерия будут учитывать как реальную историческую вовлечённость города в событие, так и геополитические, гу-

манитарные последствия события для страны/мира в целом.

Хорологическое измерение в нашей методике оценки дихотомии «общее-различное» будет строиться на фиксации и интерпретации различий между городами в сравнительной представленности монументов, подчёркивающих главным образом: 1) *общую* государственную макрополитическую значимость и 2) *региональную* специфику значимости номинации символа.

Критерием отнесения к 1 группе выступает встречаемость ГП символа с общей определённой инициаторами коннотацией в разных городах; отсутствие потенциала региональной коннотации ГП символа¹ (даже если он не встречается в прочих городах). Соответственно, ко 2 группе мы будем относить символы (как общие с другими городами, так и уникальные) либо с заявленной, либо с реальной связью с региональной спецификой (связью иконографической фигуры с регионом, региональной спецификой коммеморации ГП события и т. п.). Соответственно, при атрибутировании фиксируемых монументов по хорологическому измерению мы разделили их на 2 группы: *общую* и *региональную*.

В качестве объекта исследования мы выбрали города СЗФО, как представляющие и хронологически, и географически потенциально максимальное разнообразие типов вовлечённости городов в связанные с Россией ГП события и процессы. При формировании выборки городов мы классифицировали города СЗФО РФ по следующим критериям такой вовлеченности:

¹ Если номинация (событие, иконографическая личность и т. п., которым посвящён монумент) не имеет прямой связи с регионом.

№ 1. Города со столичным статусом в прошлом и настоящем.

№ 2. Города с геополитическим положением, оказывающим серьёзное влияние на функционирование города и его среду (приграничное, приморское, важное военно-стратегическое и др.).

№ 3. Города, находившиеся под иностранным контролем:

3а. города, входившие в состав иных государств (менявшие суверенитет);

3б. города, находившиеся под иностранной оккупацией или интервенцией до Великой отечественной войны;

3в. города, находившиеся под иностранной оккупацией во время Великой отечественной войны.

На следующем этапе города были сгруппированы по уровням соответствия указанным выше критериям¹.

На основе такой группировки мы выбрали по 3 города (с разным временем существования), относящихся к каждому из 3 уровней:

– I уровень (соответствие только одному из представленных критериев № 1/2/3) – Нарьян-Мар (XX в. основания), Тихвин (XIV в.), Вологда (XII в.);

– II уровень (соответствие одному из критериев № 1 или № 2 и одному или более из доп. критериев № 3а/б/в) – Выборг (XIV в.), Мурманск (XX в.), Архангельск (XVI в.);

– III уровень (соответствие критериям № 1, 2 и одному или более из доп. критериев № 3а/б/в) – Санкт-

Петербург (XVIII в.), Калининград (XIII в.), Псков (X в.).

В выбранных городах мы определили все монументы (скульптурные памятники и мемориальные сооружения), которые можно атрибутировать, как связанные с ГП коммеморацией, по 2 типам источников:

1. по максимально полному доступному для каждого города официальному каталогу монументов, сформированному либо Министерством Культуры РФ и доступному в Архиве культурного наследия², либо уполномоченным региональным органом³. Этот тип источников позволял не упустить объекты, имеющие официальный статус монумента, т. е. легитимизированные властью.

2. связанных с категорией не столько официальной, сколько общественной значимости – был выбран максимально полный реестр региональных монументов на популярных интернет-ресурсах, попадающих в топ выдачи поисковых систем.

Использование таких источников в данном исследовании не только допустимо, но и необходимо, поскольку они формируют значимый общественный дискурс, более охватный, чем аудитория, непосредственно контактирующая с физическим монументом. Для одних городов таким ресурсом оказывалась Википедия, для других –

¹ Аксёнов К. Э., Гресь Р. А. Методология определения уровней вовлеченности городов в связанные с Россией геополитические события и процессы [Электронный ресурс]. URL: <https://drive.google.com/file/d/11g8INdBBB0pPkashJnWK5wAxuPgc3szl/view?usp=sharing> (дата обращения: 04.05.2023).

² Архив культурного наследия Мурманская область, г. – Мурманск [Электронный ресурс]. URL: http://nasledie-archive.ru/regs/reg_51_5.html (дата обращения: 21.05.2023).

³ Правительство Санкт-Петербурга. Перечень объектов культурного наследия и выявленных объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: https://kgiop.gov.spb.ru/deyatelnost/uchet/list_objects/ (дата обращения 20.05.2023).

региональные порталы. Для включения такой информации в исследование, помимо упомянутой публичной значимости ресурса, требовалась полнота и достоверность информации о городских монументах. Информация, полученная из таких источников, дополнялась и верифицировалась в прочих картографических и информационных интернет-ресурсах¹.

Не имея возможности включить в рассмотрение все городские объекты, связанные с ГП коммеморацией (ономастические, архитектурные, специализированные – музеи, религиозные сооружения, мемориальные доски, встроенные в здания объекты и др.), мы остановили выбор на следующих типах отдельно стоящих объектов:

- мемориальные сооружения (стелы, арки и пр.);
- монументы самим ГП событиям и их атрибутам (технике, вооружению и т. п.);
- монументы участникам событий² (полководцам³, первооткрывателям, героям, жертвам, участникам и др.).

¹ Прим.: В связи с отсутствием полных баз данных обо всех монументах в городах и с особенностями использованных источников, некоторые объекты, особенно недавно установленные, могли не попасть в выборку.

² Монументы правителям учитывались, только если на объекте содержалось прямое указание на посвящение ГП событию.

³ Монументы полководцам атрибутировались либо с прямо указанными на монументах событиями (например, на некоторых монументах, посвящённых полководцам Отечественной войны, указывались различные даты: 1812, 1812–1814, 1812–1815 гг.), либо с теми событиями, в которых они прославились (так, например, для Суворова это: Русско-турецкие войны 1770-х, подавление польского восстания 1794 г., зарубежные «наполеоновские» войны и войны коалиций до 1812 г.).

Отдельно учитывались исторические мемориальные объекты, связанные с ГП коннотацией:

- братские могилы жертв войн с мемориальными знаками (отдельно – на кладбищах и вне их, как имеющие существенно разные аудиторию и механизмы воздействия);
- исторические военные объекты, причисленные к категории монументов (ДОТы, укрепления и др., которые можно атрибутировать с конкретным ГП событием).

В символике указанных монументов/объектов мы искали следующие маркеры, связанные с описанными выше критериями:

1. наличие иностранного контроля над этой территорией в прошлом;
2. память о войнах России/СССР с внешними врагами (период войн до 2000 г., чтобы отделить категорию памяти от категории опыта последнего поколения);
3. приобретение или потеря геополитических зон влияния (международный масштаб);
4. освоение новых территорий русскими первопроходцами (приобретение контроля над новой территорией).

Особо отмечалось то, что уникально для каждого города и может быть более значимо для местной/региональной истории и личной связи с происходившим (в т. ч. братские могилы и исторические военные объекты). Собранные по описанной выше методике данные были суммированы в сводных таблицах 2–3.

Таблица 2 / Table 2

Монументы геополитическим событиям¹ в 9 городах СЗФО РФ без учёта Великой Отечественной войны, количество монументов (ед.) / Monuments to geopolitical events in 9 cities of the Northwestern Federal District of the Russian Federation, excluding the Great Patriotic War, number of monuments (units)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Русско-японская война 1904–1905 гг.	4	1	1	6
Финская война 1939–1940 гг.	2		5	7
Русско-турецкая война 1768–1774 гг.	4			4
Отечественная и Наполеоновские войны 1812–1815 гг.	4			4
Социалистический интернационал/ международное социал-демократическое движение/соцлагерь	3	1		4
Исследования/открытия/освоение	4			4
Афганская война 1979–1989 гг.	1		1	2
Первая мировая война 1914–1918 гг.	1			1
Русско-шведская война 1788–1790 гг.		1		1
Русско-турецкая война 1787–1791 гг.	1			1
Зарубежные Наполеоновские войны до 1812 г.	1			1
Греческая национально-освободительная революция 1821–1829 гг.		1		1
Войны с Персией и Турцией 1828–1829 гг.		1		1
Невская битва 1240 г. и сражение на Чудском озере 1242 г.		1		1
Северная война 1700–1721 гг.		1		1
Подавление польского восстания 1794 г.	1			1
Подавление польского восстания 1831 г.	1			1
Всего	27	7	7	41
КАЛИНИНГРАД				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Первая мировая война 1914–1918 гг.	6	4		10
Русско-турецкая война 1787–1791 гг.	3			3
Зарубежные Наполеоновские войны до 1812 г.	3			3
Греческая национально-освободительная революция 1821–1829 гг.	3			3
Исследования/открытия/освоение	2			2
Русско-турецкая война 1768–1774 гг.	2			2
Крымская война 1853–1856 гг.	2			2

¹ Здесь и далее для целей настоящей статьи под геополитическим (ГП) событием мы будем понимать только то, что фиксируется описанными выше маркерами.

Афганская война 1979–1989 гг.	1	1		2
Социалистический интернационал/ международное социал-демократическое движение/соцлагерь	1	1		2
Русско-шведская война 1741–1743 гг.	1			1
Война за австрийское наследство 1740–1748 гг.	1			1
Семилетняя война 1756–1763 гг.	1			1
Русско-шведская война 1788–1790 гг.	1			1
Русско-шведская (Финляндская) война 1808–1809 гг.	1			1
Отечественная и Наполеоновские войны 1812–1815 гг.	1			1
Войны с Персией и Турцией 1828–1829 гг.	1			1
Подавление польского восстания 1794 г.	1			1
Всего	31	6	0	37
АРХАНГЕЛЬСК				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Иностранная интервенция 1918–1920 гг.		2	3	5
Афганская война 1979–1989 гг.			1	1
Исследования/открытия/освоение		1		
Социалистический интернационал/ международное социал-демократическое движение/соцлагерь			1	1
Всего	0	3	5	8
ВОЛОГДА				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Афганская война 1979–1989 гг.	1	2		3
Холодная война 1945–1991 гг.		1		1
Всего	1	3	0	4
МУРМАНСК				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Исследования/открытия/освоение	4	3		7
Русско-турецкая война 1768–1774 гг.	3			3
Греческая национально-освободительная революция 1821–1829 гг.	2			2
Семилетняя война 1756–1763 гг.	2			2
Иностранная интервенция 1918–1920 гг.		1	1	2
Русско-турецкая война 1735–1739 гг.	1			1
Русско-турецкая война 1787–1791 гг.	1			1

Русско-шведская (Финляндская) война 1808–1809 гг.	1			1
Отечественная и Наполеоновские войны 1812–1815 гг.	1			1
Зарубежные Наполеоновские войны до 1812 г.	1			1
Войны с Персией и Турцией 1828–1829 гг.	1			1
Крымская война 1853–1856 гг.	1			1
Русско-японская война 1904–1905 гг.	1			1
Афганская война 1979–1989 гг.	1			1
Всего	20	4	1	25
ПСКОВ				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Первая мировая война 1914–1918 гг.		2		2
Ливонская война 1558–1583 гг.		1		1
Отечественная и Наполеоновские войны 1812–1815 гг.	1			1
Невская битва 1240 г. и сражение на Чудском озере 1242 г.		1		1
Иностранная интервенция 1918–1920 гг.		1		1
Северная война 1700–1721 гг.		1		1
Всего	1	6	0	7
ВЫБОРГ				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Северная война 1700–1721 гг.		4		4
Финская война 1939–1940 гг.		2		2
Зарубежные Наполеоновские войны до 1812 г.		1		1
Всего	0	7	0	7
ТИХВИН				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Всего	0	0	0	0
НАРЬЯН-МАР				
Посвящения	Монументы		Могилы	Всего
	Общие	Региональные		
Исследования/открытия/освоение		4		4
Афганская война 1979–1989 гг.	1	1		2
Иностранная интервенция 1918–1920 гг.		1		1
Всего	1	6	0	7

Примечание: Цветом выделены отличные от остальных городов посвящения. Посвящения ранжированы по частоте встречаемости в городе.

Источник: составлено авторами

Сравнение значимости геополитических факторов для городской символической политики

В совокупности к категории ресурса геополитического символического капитала во всех 9 модельных городах оказалось возможным отнести 515 монументов/мемориалов. Среди всех типов посвящений символика войн России/СССР с внешними врагами в ГП мемориалах была представлена 20 ГП событиями; память о наличии иностранного контроля над этой территорией в прошлом – 3 событиями; о приобретении или потере геополитических зон влияния – 3; и отдельно можно выделить обобщённую категорию, связанную с российскими/советскими исследованиями/открытием/освоением новых земель (табл. 2). Максимальное количество отражённых в мемориалах событий/посвящений насчитывалось в Калининграде и Санкт-Петербурге – по 17.

Вполне ожидаемо монументы во всех городах индицируют в качестве главного ГП события Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. (ВОВ): количество и разнообразие типов монументов, посвящённых её памяти, максимально везде. Всего по всем городам их насчитывается 379 (73,6% от всех монументов в выборке): 140 монументов, 90 военных объектов-монументов, 59 могил-монументов вне кладбищ и 90 братских могил/мемориалов на кладбищах. Последние 3 категории, по нашему мнению, могут прямо индицировать региональную значимость любого военного/насильственного ГП события и вполне пригодны для сопоставления с мерой его представленности в «абстрактной»

символической политике в отношении события.

Подобными же индикативными возможностями, хотя и с большими оговорками, обладает категория монументов со спецификой, отражающей особенности региональной вовлечённости в событие. Если для мест боевых действий региональная специфика отражена в братских могилах, памятниках-дотах, обелисках, установленных на полях сражений, то для городов, которые не входили в зону боевых действий, региональная специфика чаще всего связана со вкладом таких городов в общую победу, с трудовыми подвигами в тылу. Такие памятники, как «Памятник Подвигу участников оленно-транспортных батальонов» в Нарьян-Маре или «Памятник Тюленю – спасителю жителей Архангельска и блокадного Ленинграда» в Архангельске имеют чёткие локальные коннотации (табл. 3).

Поскольку регион был непосредственно вовлечён в боевые действия, количество монументов ВОВ с региональной спецификой на порядок превосходили такие же с общей коннотацией (во всех городах выборки – 339 и 40 соответственно). Очевидно, что категории могил-мемориалов представлены во всех городах, активно участвовавших в боевых действиях войны. Не представлены они лишь в Нарьян-Маре. Абсолютное большинство военных объектов-монументов ВОВ находится в Санкт-Петербурге (85), они есть также в Вологде, Тихвине и Пскове¹. Во всех городах, кроме Архангельска, среди монументов пре-

¹ Категория военных объектов-монументов обнаружена применительно только к объектам, участвовавшим в ВОВ.

Таблица 3 / Table 3

Выраженность ГП коммеморации о ВОВ по модельным городам и категориям монументов, количество монументов (ед.) / Geopolitical commemoration of the Great Patriotic War expressed by categories of monuments, number of monuments (units), by model cities

Город		ВОВ	ВОВ, военные объекты-памятники	ВОВ, могилы-памятники вне кладбищ	ВОВ, братские могилы, мемориалы на кладбищах	Всего монументов, посвящённых ВОВ, по городам	Доля монументов, посвящённых ВОВ, от общего числа монументов, посвящённых ГП событиям
Выборг	Общее					4	36 %
	Региональное	1		1	2		
Нарьян-Мар	Общее	2				7	50 %
	Региональное	5					
Тихвин	Общее					11	100 %
	Региональное	4	2	3	2		
Архангельск	Общее	4				12	60 %
	Региональное	4		1	3		
Псков	Общее	1		2	1	20	77 %
	Региональное	7	1	6	2		
Вологда	Общее	5				23	85 %
	Региональное	13	2	1	2		
Мурманск	Общее	5				26	51 %
	Региональное	20			1		
Калининград	Общее	7				55	60 %
	Региональное	29		19			
Санкт-Петербург	Общее	13				221	84 %
	Региональное	20	85	26	77		
Всего по типам		140	90	59	90	379	

Источник: составлено авторами

обладают военные монументы с региональной спецификой (в Архангельске общей и региональной коннотации в монументах – поровну).

На основании этих данных и с учётом исторической близости и масштаба ГП события по размерам людских и материальных потерь можно утверждать об общем соответствии символи-

ческой политики во всех городах фактической приоритетной значимости ВОВ для ГП памяти во всех модельных городах. Такое однозначное соответствие, однако, не присуще многим другим ГП событиям.

Проследим иерархию всех прочих событий/посвящений, отражённых в символике мемориалов, кроме ВОВ.

Для каждого города была составлена иерархия встречаемости посвящений в ГП монументах по описанным категориям, которая была названа выраженным в мемориалах местным символическим геополитическим следом (далее – ГП след) (табл. 2). Дополнительно была составлена картосхема, отражающая различия в формировании символического геополитического следа в городах СЗФО РФ. На картосхеме в целях лучшего визуального восприятия все ГП события разбиты по 6 группам с учётом хронологии:

1. Великая Отечественная война;
2. Другие войны и события XX в.;
3. Войны и ГП события XIX в.;

4. Войны и ГП события XVIII в.;
5. Войны и ГП события до XVIII в. и группа;
6. Исследования/открытия/освоение (рис. 1).

Вначале отметим общие особенности относительной гипертрофии/недопредставленности¹ ГП событий, отмеченные во всей выборке. Нам не удалось выявить единую закономерность, по которой в монументальной символической политике оказывается представлена память о тех или иных ГП событиях. Среди войн и сраже-

¹ Отдельных событий по сравнению с прочими в отдельных городах по сравнению с прочими.

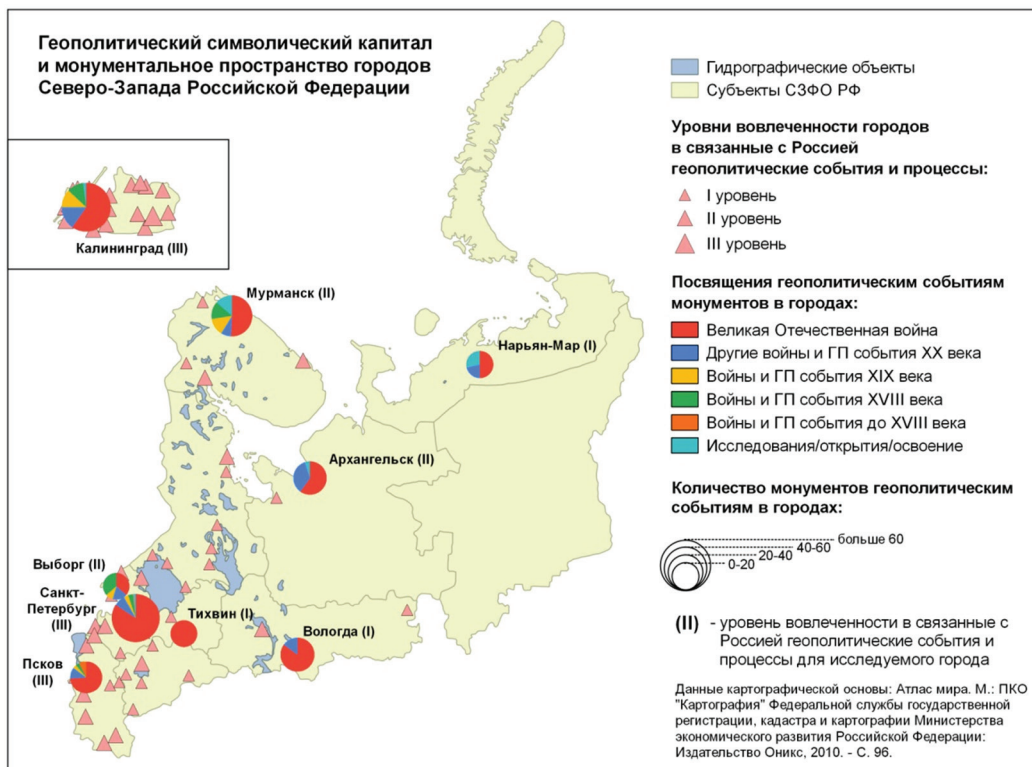

Рис. 1 / Fig. 1. Геополитический символический капитал и монументальное пространство городов Северо-Запада РФ / Geopolitical symbolic capital and monumental space of the cities of the North-West of the Russian Federation

Источник: составлено авторами

ний, которые вела Россия, начиная с XVIII в., как увековеченными, так и непредставленными, оказываются и победоносные¹, и проигранные²; удалённые в истории, и недавние; значимые для региона и незначимые³.

В задачи данной работы не входит детальный анализ причин и механизмов подобного явления. Здесь мы лишь фиксируем его наличие и результаты его влияния на формирование интересующих нас геополитических следов. Стоит оговориться, что сразу в нескольких городах была зафиксирована тенденция компенсации такой недопредставленности после 2000 г. – значительное количество важных событий, включая Первую Мировую и Финскую войны, которые впервые были отмечены монументами, иногда возведёнными по частной инициативе и на ведомственной территории, и не попавшими в реестры охраны. Этот процесс мы объясняем повышением общественного запроса на восстановление и закрепление ГП аспектов исторической памяти в России в целом.

На основании сравнения представленных данных можно заключить, что все указанные выше ГП критерии, которые были использованы при классификации и выборе городов, в той или

иной степени оказывали влияние на дифференциацию местных геополитических следов.

Так, в Санкт-Петербурге максимально выражен фактор влияния столичности. Там в гораздо большей степени представлены символы памяти о войнах/событиях, не связанных напрямую с данной территорией: монументов с общей спецификой насчитывается 65,8% (не считая ВОВ) от общего числа монументов, посвящённых ГП событиям (табл. 2). Количество представленных событий больше, монументы более масштабны («главные» монументы, триумфальные арки и др.). Важно, что все эти особенности относятся преимущественно к периоду столичности города⁴.

Для Калининграда и Пскова, как прочих столиц в нашей выборке (столица Тевтонского ордена XV–XVI вв., герцогства Пруссия в XVI–XVII вв., королевства и республики Пруссия в XVIII–XX вв. и столица Псковской республики XIV–XVI вв. соответственно), фактор столичности оказался нивелирован действиями иных факторов: как исторической удалённостью этих периодов, так и фактором перехода территории под другие суверенитеты, сопровождавшимся сменной символической политики, которая была направлена на установление

¹ Из победоносных не представлены несколько Балканских войн, войн с Персией и Турцией, Кавказская война и др.

² Среди проигранных / с неопределённым исходом – недопредставленные масштабные Крымская и Первая Мировая (кроме Калининграда) или хорошо представленная Афганская.

³ В нескольких городах сразу перепредставлена память, скажем, о малоизвестной ныне Греческой национально-освободительной революции 1821–1829, а именно о Наваринском морском сражении, причём не только в связи с именем М. Лазарева.

⁴ Хорошую иллюстрацию всем описанным особенностям монументальной символической политики «столичности» представляют Московские триумфальные Ворота, возведённые в 1834–1838 гг. при въезде в Санкт-Петербург с надписью «Победоносным российским войскам в память подвигов в Персии, Турции и при усмирении Польши в 1826, 1827, 1828, 1829, 1830 и 1831 годах» на русском и латинском языках, тем самым ориентируясь и на «глобальную» аудиторию.

новой лояльности и идентичности. Возможно, данную особенность также можно отнести к особенностям формирования геополитических следов в таком типе столиц [10]. На примере Калининграда, как наиболее близком по времени, можно выделить как минимум 2 фазы такой политики после ВОВ [14].

Если в советское и раннее постсоветское время в Калининграде главной тенденцией была гипертрофия / замалчивание эпох (период 1941–1990 гг. гипертрофировался, прусский период – замалчивался), то после 2000 г. начался этап городской символической политики, связанный с активизацией процесса замещения прусской ГП символики российской, уже связанной не только с периодом 1941–1990 гг. Появились многочисленные монументы русским полко-, флотоводцам и победам, не связанным с регионом и относящимся к общей российской ГП истории досоветских периодов. При этом продолжается разрушение части прусских монументов, некоторые полностью замещаются новыми объектами¹, лишь отдельные – восстанавливаются. Показателен пример Первой мировой войны, сражения которой Россия вела на этой территории с Германией. В Калининграде зафиксировано 6 посвящённых этой войне монументов/мемориалов с местной спецификой: 4 – немецкие (из них 2 – частично разрушены), 2 – русские и 4 – с общей коннотацией: 3 немецкие (1 – частично разрушен), 1 русский. Это означает политику неполного замещения

¹ Так, прусский монумент Франко-прусской войне 1870-1871 гг. долгое время оставался частично разрушенным, а после 2000 г. полностью уничтожен и замещён фонтаном.

прусско-немецкого символического капитала об общем с Россией ГП событии, но отчётливого обозначения тенденции смены его на российский. Политика замещения наблюдалась и в Выборге, в частности, на примере разрушенного финского монумента независимости, повреждённые скульптурные элементы которого были перемещены из центра города в парк Монрепо, но уже без указаний на изначальную символику.

Уже упомянутый фактор смены суверенитета над территорией (критерий № 3 в нашей классификации²) можно искать как в символах борьбы с иностранным контролем, так и в символах самого иностранного присутствия.

За пределами описанного случая Калининграда к таким символам были отнесены: монументы Невской битвы и битвы на Чудском озере 1240–1242 гг. (по 1 – в Санкт-Петербурге и Пскове соответственно); Северной войне 1700–1721 гг. (4 – в Выборге, по 1 – в Санкт-Петербурге и Пскове). Отдельное место занимает память об иностранной интервенции 1918–1920 гг. Представленность объектов памяти о ней отражает меру вовлечённости территории в реальные события: 5 объектов – в Архангельске, 2 – в Мурманске и 1 – в Нарьян-Маре связаны с интервенцией стран Антанты, и 1 – в Пскове, посвящённый германской интервенции 1918 г.³

² Аксёнов К. Э., Гресь Р. А. Методология определения уровней вовлечённости городов в связанные с Россией геополитические события и процессы [Электронный реурс]. URL: <https://drive.google.com/file/d/11g8INdBBB0pPkashJnWK5wAxuPgc3szl/view?usp=sharing> (дата обращения: 04.05.2023).

³ В Вологде, где располагался штаб борьбы с интервенцией на Севере, память о ней пред-

Большинство из объектов – мемориальны (есть и братские могилы интервентов с мемориальными указаниями) и с местной спецификой, что, вероятно, особо значимо для формирования и закрепления идентичности. Так, для Архангельска именно интервенция занимает по числу исследованных объектов второе после ВОВ место в иерархии тематик ГП посвящений, очевидно формируя уникальную специфику ГП следа в городе (рис. 1).

Фактор геополитического положения (критерий 2 выше) нашёл символическое отражение в 3 главных маркерах. В макро-масштабе это – монументы-символы международного распространения идеологического и политического влияния России-СССР в виде монументов деятелям и проявлениям международного социал-демократического/коммунистического движения (российского/советского происхождения), а также «социалистического лагеря». В мезо-масштабе это всё, что закрепляет память о российско-советских зарубежных исследованиях/открытиях/освоении, реально или потенциально влиявших на геополитическое положение России. Ну и наконец, это память о событиях, связанных с приобретением/потерей/удержанием территорий России/СССР, не относящаяся к войнам.

Символы распространения коммунистического/советского влияния характерны более для региональных столиц: 4 – в Санкт-Петербурге, 2 – в Калининграде, по 1 – в Архангельске¹

ставлена мемориальной табличкой на стене здания штаба, этот тип объектов не попадает в нашу выборку.

¹ Уникальной особенностью Архангельска выступает то, что там находится могила-па-

и Вологде. Не обнаружены они лишь в Мурманске, Нарьян-Маре, Пскове и субрегиональных центрах.

Тематика российских исследований/открытий/освоения представлена в монументах всех приморских городов в выборке (в Нарьян-Маре и Мурманске она количественно вторая по значимости после ВОВ). Во всех городах, кроме столичного Санкт-Петербурга и меняющего свой монументальный символический капитал Калининграда, в коннотации таких символических объектов преобладает региональная специфика (освоение океана и Севера).

Память о событиях, связанных с приобретением/потерей/удержанием территорий России/СССР и не относящаяся к войнам, представлена увековеченными в монументах подавлениями 2 Польских восстаний: уже упомянутого выше 1831 г. – в Санкт-Петербурге, впрямую указанного на Триумфальных воротах, и косвенно – в виде монументов А. Суворову в Санкт-Петербурге и Калининграде, в числе главных государственных заслуг которого числится подавление восстания под предводительством Т. Костюшко 1794 г. Кроме того, практически во всех приграничных городах встречаются монументы пограничникам, что закрепляет в ГП символическом капитале значимость особого геополитического положения города.

Попытаемся обобщить сравнение «геополитических следов», оставленных монументами в модельных городах. Самые существенные показатели различий «геополитических следов»,

мятник Тойво Антикайненена, организатора компартии Финляндии, что делает здесь данную тематику более «укоренённой».

помимо упомянутых, в нашей базе формируются 3 основными показателями: количеством тематик посвящений в номинациях объектов, количественная представленность/иерархия этих тематик в монументах, и наличие уникальных посвящений/объектов в монументах города.

Иерархия количества тематик посвящений, встречающихся в городах, не соответствует иерархиям ни людности, ни времени существования последних. Фактор столичности также не является решающим: в Калининграде увековечено столько же ГП событий (18), сколько и в Петербурге (18). Версия объяснения этому представлена выше. Несколькими удивительным выступает разрыв между третьим по количеству встречаемых ГП посвящений в монументах Мурманском (15) и всеми остальными городами: в Пскове – 7, Архангельске – 5, Нарьян-Маре – 4, Выборге – 4, Вологде – 3 и Тихвине – 1. Во всех городах одним из событий является ВОВ (других ГП событий, увековеченных в монументах сразу всех городов – нет), в Тихвине других ГП посвящений не встречается. Причиной такого разрыва, очевидно, выступает принципиально меньшая значимость ГП проблематики в целом для городов за пределами «первой тройки» крупных административных центров с важным геополитическим положением в их символической политике как прошлого, так и настоящего.

Так, к городам с минимальной значимостью ГП проблематики вполне объяснимо относятся все 3 города низшего первого уровня нашей классификации вовлечённости городов в связанные с Россией ГП события и процессы, к городам с максимальной

значимостью – 2 города из третьего, высшего.

Различия в иерархиях событий (за вычетом ВОВ, описанной выше) по количеству объектов, им посвящённым в городах, представлены в таблице 1 и на картосхеме (рис. 1). В Санкт-Петербурге более чем одним монументом увековечено 7 событий (кроме ВОВ). Максимальное количество (7) посвящено Финской войне (5 братских могил и 2 монумента). Следом идёт Русско-Японская (6, 1 из них – братская могила¹) по 4 монумента посвящены Русско-турецкой 1768–1774 гг., Отечественной и наполеоновским 1812–1815 гг. войнам, а также распространению коммунистического влияния в мире и отечественным исследованиям/открытиям. Интересно, что почти половина событий представлена только общей коннотацией, что можно отнести на действие фактора столичности. Выше мы уже отмечали проблематику недо- и перепредставленности тех или иных ГП тематик в городской символической политике, в первую очередь, в Санкт-Петербурге, Калининграде и Выборге.

В Калининграде объяснимо с большим отрывом лидирует тематика регионально значимой Первой мировой войны, большинство остальных посвящений в значительной мере могут быть отнесены на последствия политики замены монументального символического капитала после смены суверенитета.

В Архангельске, Вологде и Нарьян-Маре все тематики посвящений (даже включая Афганскую войну с учётом

¹ Крейсер «Аврора», участвовавший в этой войне, мы к её мемориальным объектам не относили.

наличия братской могилы и региональных коннотаций) коррелируют с региональной вовлечённостью в последние по времени события. Это определяется в значительной мере ГП положением, актуализируемым в связи с ростом интереса всех геополитических акторов к Арктическому региону. В древних приграничных Пскове и Выборге к ним добавляются и более отдалённые во времени региональные ГП события.

В портовом Мурманске лидирует тематика исследований и открытий, большинство же остальных посвящений, которые непосредственно не относятся к истории Мурманска, связаны с уклоном ГП символической политики в увековечивание памяти русских флотоводцев, что также вполне можно отнести к специфике ГП положения города. Подобный уклон отмечается и в Калининграде.

Ну и наконец, стоит особо упомянуть об *уникальных* событиях в посвящениях монументов, обнаруженных в геополитическом следе городов, отличных просто от региональной коннотации. Таковые обнаруживаются на могилах в Петербурге и Архангельске и в монументах 5 – войнам и 1 – восстанию: в Петербурге, Мурманске, Калининграде, Вологде и Пскове, причем только в последних двух городах такие монументы связаны с региональной коннотацией события (табл. 2). Уникальные памятники связаны в большинстве случаев с событиями XVI – начала XX вв., а не событий большей части XX в., за исключением Вологды и Архангельска. Среди уникальных монументов есть посвящённый эпохе Холодной войны мемориальный объект матросу-подводнику Сергею Премину в Вологде. Других

монументов, связанных с Холодной войной, нами найдено не было.

Заключение

Таким образом, мы показали, что геополитическая коммеморация, хотя и является значимым аспектом монументального символического капитала во всех рассмотренных городах, но в существенно разной степени и в связи с действием разных факторов. Иерархию встречаемости посвящений в ГП монументах мы назвали выраженным в мемориалах местным символическим геополитическим следом. Нами подтверждена значимость всех 3 ГП критериев классификации городов, использованных для составления выборки; эти критерии значимо дифференцировали геополитический след, прослеживаемый в монументальных символах городов. Самым существенным для такой дифференциации было влияние факторов столичности и смен суверенитетов.

Так, фактор влияния столичности оказался максимально выражен для Санкт-Петербурга по сравнению с исторически более ранними столицами Калининградом/Кёнигсбергом и Псковом. В столицах в гораздо большей степени представлены общие символы памяти о войнах/событиях, относящихся преимущественно к периоду столичности города и не связанных напрямую с данной территорией. Количество представленных событий больше, монументы более масштабны.

Фактор смены суверенитета над территорией оказался существенно значимее фактора столичности. В некогда столичном Калининграде (как и в нестоличном Выборге) описана специфика и некоторые результаты политики

замещения символического капитала. Эта политика связана как с особенностями гипертрофии/замалчивания эпох в символической политике по отношению к региональной ГП истории, так и в прямом замещении предыдущей национально-государственной ГП символики – российской, не связанной с регионом и относящейся к общей российской ГП истории периодов до установления советского/российского суверенитета. Фактор иностранной интервенции 1918–1920 гг. оказался крайне значимым для ГП коммеморации в затронутых ею городах; оккупация же городов в годы ВОВ не выделяется среди прочих аспектов общей и региональной ГП коммеморации этой войны, выраженной в монументах. В целом же ВОВ, с преобладанием региональной символики в памяти о ней, была главным ГП событием, отражённым в монументальных символах исследуемых городов.

Символы распространения коммунистического/советского влияния более характерны для региональных столиц. Тематика российских исследований/открытий/освоения с региональной коннотацией (кроме Калининграда) максимально значима в монументах всех приморских городов в выборке. Память о событиях, связанных с приобретением/потерей/удержанием территорий России/СССР и не относящаяся к войнам, представлена увековеченными в монументах подавлениями двух Польских восстаний. Кроме того, практически во всех приграничных городах встречаются

монументы пограничникам, что закрепляет в монументальном пространстве значимость особого геополитического положения города.

Представленное в таблице 2 и на картосхеме (рис. 1) сравнение геополитических следов, оставленных монументами в модельных городах показывает, что специфика тематик и параметры присутствия ГП символов коррелируют с мерой вовлечённости города/региона в те или иные ГП события.

В целом можно заключить, что географические различия в геополитическом символическом капитале, представленном ресурсами монументального пространства разных городов Северо-Запада РФ, весьма существенны, и столь значительные различия требуют учёта в политике и практике управления городами и регионами. В условиях повышенного внимания различных общественных акторов к геополитической проблематике памятники, имеющие такую коннотацию, представляют собой ресурс для её интерпретации и использования в целях достижения политического доминирования в символической политике, о чём свидетельствует развернувшаяся в мире масштабная «война памятников». При этом значимость именно урбанистических символов, закреплённых и тем самым «легитимизированных» в городском материальном пространстве, существенно повышает эффективность основанного на них символического менеджмента.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалмасова Н. Е. Технологии «symbolic management» в российской региональной политике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 132–137.
2. Аксенов К. Э., Андреев М. В. Городская символическая политика и пространственная диффузия геополитических инноваций в Российской Федерации // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2022. № 6. С. 870–887.
3. Аксёнов К. Э., Яралян С. А. Идеологизация пространства с использованием городской топонимики в странах СНГ // Региональные исследования. 2012. № 1. С. 3–11.
4. Бабурин В. Л. Инновационные циклы в российской экономике. М., 2002. 120 с.
5. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. под ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
6. Бурдые П. Культурный капитал // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 60–74.
7. Волхонский М. А., Ярлыкапов А. А. Символическая политика Грузии и Азербайджана на территории России: два исследовательских кейса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 3. С. 605–618.
8. Высоковский А. А. Субстанциональные свойства среды // Городская среда: проблемы существования: сб. ст. / под ред. А. А. Высоковского, Г. З. Каганова. М., ВНИИТАГ, 1990. 192 с.
9. Гельман В. Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 4. № 2. С. 91–105.
10. Горелова Ю. Р. Образ города в восприятии горожан. М: Институт наследия, 2019. 154 с.
11. Ефремова В. Н. О некоторых теоретических особенностях исследования символической политики // Символическая политика. Вып. 3: Политические функции мифов / отв. ред. О. Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 50–65.
12. Замятин Д. Н. Геополитика образов и структурирование метапространства // ПОЛИС. Политические исследования. 2003. № 1. С. 82–103.
13. Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004. 352 с.
14. Кретинин Г.В., Маслов Е.А., Миронюк Д. А. Формирование мемориально-монументального ландшафта памяти в Калининградской области Российской Федерации // Кретинин Г. В. Война и мир: исследования по российской и всеобщей истории. Калининград, 2018. С. 386–403.
15. Кучабский О., Копец К. “Последняя” волна декоммунизации урбанонимики в Украине и Польше: сравнительный анализ // Грані. 2020. Т. 23. № 8. С. 37–48.
16. Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 5–18.
17. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.
18. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285–312.
19. Полякова Н. В. К вопросу о символических аспектах современной белорусской политики памяти: национализм vs западнорусизм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 205–212.
20. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // ПОЛИС. Политические исследования. 1999. Т. 5. С. 62–75.

21. Россия регионов: трансформация политических режимов / под ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. М.: Весь мир, 2000. 376 с.
22. Тяпин И. Н. Отражение внешнеполитического положения России в отечественной геополитической мысли: история и современность // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2017. Т. 1. № 3. С. 6–23.
23. Федотова Н. Г. Роль медиакоммуникаций в формировании символического капитала места // *Международный журнал исследований культуры*. 2017. № 2. С. 65–76.
24. Федотова Н. Г., Васильева Н. Ю. Символический капитал Великого Новгорода в дискурсе социальных медиа // *Знак: Проблемное поле медиаобразования*. 2017. № 2. С. 119–127.
25. Федотова Н. Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2018. № 29. С. 141–155.
26. Якунин В. И. Формирование геостратегий России. Транспортная составляющая. М.: Мысль, 2005. 223 с.
27. Eisenstadt S. N., Schluchter W. Introduction: paths to early modernities: a comparative view // *Daedalus*. 1998. Vol. 127. № 3, pp. 1–18.
28. Flint C. Introduction to geopolitics. London: Routledge, 2012. 296 p.
29. Forest B., Johnson J. Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post-Communist States // *Post-Soviet Affairs*. 2011. Vol. 27. № 3. P. 269–288.
30. Gottmann J. *La Politique des Etats et leur geographie*. Paris: A. Colin, 1952. 228 p.
31. Lacoste Y. Rivalries for territory // *Geopolitics*. 2000. № 5. P. 120–158.
32. O'Loughlin J., Talbot P. F. Where in the World is Russia? Geopolitical Perceptions and Preferences of Ordinary Russians // *Eurasian Geography and Economics*. 2005. № 46:1. P. 23–50.
33. *Rethinking geopolitics* / eds. G. У Tuathail, S. Dalby. London: Routledge, 1998. 333 p.

REFERENCES

1. Abalmasova N. E. [Technologies of “symbolic management” in the Russian regional policy]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relationships], 2012, no. 1, pp. 132–137.
2. Aksenov K. E., Andreev M. V. [Urban symbolic politics and spatial diffusion of geopolitical innovations in the Russian Federation]. In: *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya geograficheskaya* [Izvestia of the Russian Academy of Sciences. Geographical series], 2022, no. 6, pp. 870–887.
3. Aksenov K. E., Yaralyan S. A. [Ideologization of space using urban toponymy in the CIS countries]. In: *Regionalnye issledovaniya* [Regional studies], 2012, no. 1, pp. 3–11.
4. Baburin V. L. *Innovatsionnye tsikly v rossiiskoi ekonomike* [Innovative cycles in the Russian economy]. Moscow, 2002. 120 p.
5. Bourdieu P. *Sens pratique* (Rus. ed.: Shmatko N. A., ed. of transl. *Prakticheskiy smysl*. St. Petersburg, Aletyya Publ., 2001. 562 p.)
6. Bourdieu P. [Cultural capital]. In: *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 2005, vol. 6, no. 3, pp. 60–74.
7. Volkhonsky M. A., Yarlykapov A. A. [Symbolic policy of Georgia and Azerbaijan on the territory of Russia: two research cases]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations], 2020, vol. 20, no. 3, pp. 605–618.

8. Vysokovsky A. A. [Substance properties of the environment]. In: Vysokovsky A. A., Kaganov G. Z., eds. *Gorodskaya sreda: problemy sushchestvovaniya* [Urban environment: problems of existence]. Moscow, VNIITAG Publ., 1990. 192 p.
9. Gelman V. Ya. [Political elites and strategies of regional identity]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2003, vol. 4, no. 2, pp. 91–105.
10. Gorelova Yu. R. *Obraz goroda v vospriyatii gorozhan* [The image of the city in the perception of citizens]. Moscow, Institut naslediya Publ., 2019. 154 p.
11. Efremova V. N. [On some theoretical features of the study of symbolic politics]. In: Malinova O. Yu., ed. *Simvolicheskaya politika. Vyp. 3: Politicheskie funktsii mifov* [Symbolic politics. Iss. 3: Political functions of myths]. Moscow: INION RAN Publ., 2015, pp. 50–65.
12. Zamyatin D. N. Geopolitics of images and structuring of metaspace // *POLIS. Political studies*. 2003. No. 1. S. 82–103.
13. Zamyatin D. N. *Vlast' prostranstva i prostranstvo vlasti: geograficheskie obrazy v kontrole i mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [The power of space and space of power: Geographical images in politics and international relations]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 352 p.
14. Kretinin G. V., Maslov E. A., Mironyuk D. A. [Formation of the memorial-monumental landscape of memory in the Kaliningrad region of the Russian Federation]. In: Kretinin G. V. *Voina i mir: issledovaniya po rossiiskoi i vseobshchei istorii* [War and peace: research on Russian and general history]. Kaliningrad, 2018, pp. 386–403.
15. Kuchabsky O., Kopets K. [The “last” wave of decommunization of urbanonymy in Ukraine and Poland: a comparative analysis]. In: *Grani* [Grani], 2020, vol. 23, no. 8, pp. 37–48.
16. Laruelle M. [Rethinking the empire in the post-Soviet space: a new Eurasian ideology]. In: *Vestnik Yevrazii* [Bulletin of Eurasia], 2000, no. 1, pp. 5–18.
17. Malinova O. Yu. [Symbolic politics and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia]. In: *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political studies], 2010, no. 2, pp. 90–105.
18. Malinova O. Yu. [The politics of memory as an area of symbolic politics]. In: *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestva vedicheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines], 2019, no. 9, pp. 285–312.
19. Polyakova N. V. [On the issue of the symbolic aspects of the modern Belarusian policy of memory: nationalism vs. Western Russianism]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2019, no. 52, pp. 205–212.
20. Potseluev S. P. [Symbolic politics: constellation of concepts for approach to the problem]. In: *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political studies], 1999, vol. 5, pp. 62–75.
21. Gelman V., Ryzhenkov S., Bree M., eds. *Rossiya regionov: transformatsiya rezhimov* [Russia of regions: transformation of political regimes]. Moscow, Ves Mir Publ., 2000. 376 p.
22. Tyapin I. N. [Reflection of the foreign policy position of Russia in domestic geopolitical thought: history and modernity]. In: *Historia provinciae – zhurnal sobytii istorii* [Historia provinciae – a journal of regional history], 2017, vol. 1, no. 3, pp. 6–23.
23. Fedotova N. G. [The role of media communications in the formation of the symbolic capital of the place]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Studies], 2017, no. 2, pp. 65–76.
24. Fedotova N. G., Vasilyeva N. Yu. [The symbolic capital of Veliky Novgorod in the discourse of social media]. In: *Znak: Problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problematic field of media education], 2017, no. 2, pp. 119–127.

25. Fedotova N. G. [Symbolic capital of a place: concept, features of accumulation, research methods]. In: [Bulletin of the Tomsk State University. Cultural studies and art history], 2018, no. 29, pp. 141–155.
26. Yakunin V. I. *Formirovanie geostrategii Rossii. Transportnaya sostavlyayushchaya* [Formation of geostrategies in Russia. transport component]. Moscow, Mysl Publ., 2005. 223 p.
27. Eisenstadt S. N., Schluchter W. Introduction: paths to early modernities: a comparative view. In: *Daedalus*, 1998, vol. 127, no. 3, pp. 1–18.
28. Flint C. *Introduction to geopolitics*. London, Routledge, 2012. 296 p.
29. Forest B., Johnson J. Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post-Communist States. In: *Post-Soviet Affairs*, 2011, vol. 27, no. 3, pp. 269–288.
30. Gottmann J. *La Politique des Etats et leur geographie*. Paris, A. Colin, 1952. 228 p.
31. Lacoste Y. Rivalries for territory. In: *Geopolitics*, 2000, no. 5, pp. 120–158.
32. O'Loughlin J., Talbot P. F. Where in the World is Russia? Geopolitical Perceptions and Preferences of Ordinary Russians. In: *Eurasian Geography and Economics*, 2005, no. 46:1, pp. 23–50.
33. У Туахил Г., Далби С., eds. *Rethinking geopolitics*. London, Routledge, 1998. 333 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенов Константин Эдуардович – доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: axenov@peterlink.ru

Гресь Роберт Андреевич – младший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН, аспирант Института управления и территориального развития, Балтийский федеральный университет имени И. Канта;
e-mail: Robert.a.gres@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konsantin E. Aksenov – Dr. Sci. (Geography), Prof., Department of Regional Policy and Political Geography, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg State University;
e-mail: axenov@peterlink.ru;

Robert A. Gres – Research Assistant, Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences, Postgraduate Student, Immanuel Kant Baltic Federal University;
e-mail: Robert.a.gres@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Аксёнов К. Э., Гресь Р. А. Геополитический символический капитал и монументальное пространство городов Северо-Запада РФ // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 113–137.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-113-137

FOR CITATION

Aksenov K. E., Gres R. A. Geopolitical symbolic capital and monumental space of cities in the North-West of the Russian Federation. In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 113–137.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-113-137